

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Светлана Фокина

**К вопросу о концептуализации страстей
в лирике Марины Цветаевой 1920-х годов**

Говоря о концептуализации страстей в лирической системе Марины Цветаевой, особенно в лирике 1920-х годов, актуально сосредоточить внимание на концепте «ревность» как наиболее показательном в плане смыслопорождения и его важности в ментальном пространстве цветаевского мира.

Изученность концепта «ревность» в дискурсивных практиках М. Цветаевой, несмотря на акцентирование привлекательности данной проблемы в цветаеведении, носит фрагментарный характер. Проблематика связанная с темой ревности была затронута в лингвистическом исследовании Л. Зубовой¹. В монографии М. Мейкина² отмечалось влияние темы ревности на смысловую структуру цветаевского стихотворения *Развела тебе в стакане...* В работе В. Масловой³, посвященной изучению цветаевской концептосферы, вопрос о концептуализации страстей остается вне поля научного поиска. Кроме того, уделено явно недостаточно внимания выявлению и анализу мировоззренческого пласта, обусловившего специфику концептуализации ревности как страсти в поэтическом мире М. Цветаевой.

Цель данной статьи – проследить авторское своеобразие концептуализации ревности в лирике М. Цветаевой 1920-х годов.

По мысли Е. Кубряковой зарождение концепта в ментальном универсуме представляет «процесс образования смыслов»⁴ и их интерпретации. По замечанию А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья – авторов *Семиотики страстей*, «страсти появляются в дискурсе как своеобразные носители смысла»⁵. Это положение позволяет рассматривать страсти как потенциальные выражения значимых показателей ментальности, соотносимых как с типом той или иной культуры, так и с отдельной личностью. Наиболее интересен и неоднозначен случай концептуализации страстей сознанием художника. Согласно исследованиям

¹ Л.В. Зубова, *Поэзия Марины Цветаевой Лингвистический аспект*, Ленинград 1989.

² М. Мейкин, *Марина Цветаева: поэтика усвоения*, Москва 1997.

³ В.А. Маслова, *Поэт и культура: Концептосфера М. Цветаевой*, Москва 2004.

⁴ Е.С. Кубрякова, *Концепт*, [в:] *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва 1996, с. 90.

⁵ А.Ж. Греймас, Ж. Фонтанья, *Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души*, пер. с фр. И.Г. Меркуловой, Москва 2007, с. 32.

Ю. Степанова, концепт – «сгусток культуры в сознании человека»⁶ и основная особенность концептов в том, что они «не только мыслятся», но и «переживаются»⁷. Концепт «может быть по-разному расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» – отмечает Д.С. Лихачев⁸. Авторский концепт является признаком не только культурной идентичности личности, но и особенностей ее мышления и мировосприятия. Касательно ключевых слов культуры А. Вежбицкая утверждает, что «тщательно исследуя эти центральные точки», появляется возможность, «продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сфере в целом»⁹, а зачастую проявляющиеся и «целый ряд областей»¹⁰. Так авторский концепт художника слова предстает своего рода ключом к пониманию его эстетической системы, позволяя прочитывать коды, символику, образы и понятия в соотношении с ментальными показателями, как явно выраженными и манифестируемыми, так и скрытыми и даже зашифрованными.

Концепт «ревность» один из значимых в цветаевском дискурсивном поле. Примечательно утверждение В. Масловой, что концепт «репрезентируется М. Цветаевой большим количеством единиц, разных по структуре. Это слова, фраземы, синтаксемы, целые стихотворения»¹¹. Переосмыслив данное высказывание исследовательницы, справедливо отметить, что концепт «ревность» может развертываться в цветаевском мире на уровне метафор, образов, мифологем, поэтических текстов взаимодополняя и уточняя самобытность цветаевской концептуализации этой страсти.

«Ревность» поэтесса осмысляет согласно этимологии этого слова, расшифровывая его как «рвение» и даже как отмеченность Иномирьем. По наблюдению Л. Зубовой, «именно рвение, стремление к победе духовного начала над телесным Цветаева называет ревностью богов в современном смысле этого слова»¹². Подобная интерпретация ревности создает ситуацию освобождения этого чувства от эротического начала и осмысления ревности как дерзания вырвать избранника из «земной юдоли», одухотворив его своей сопричастностью запредельному – поэтической стихии.

Но не следует забывать, что особенностью поэтического мира М. Цветаевой становится двуплановость, задающая направление интерпретации ее

---

⁶ Ю.С. Степанов, *Концепт*, [в:] *Константы: словарь русской культуры*, Москва 2004, с. 43.

⁷ Там же, с. 43.

⁸ Д.С. Лихачев, *Концептосфера русского языка*, [в:] *Известия ОРЯ: Серия литературы и языка*, т. 52. № 1, Москва 1993, с. 153.

⁹ А. Вежбицкая, *Понимание культур через посредство ключевых слов*, пер. с англ. А.Д. Шмелева, Москва 2001, с. 37.

¹⁰ Там же, с. 37.

¹¹ В.А. Маслова, *Поэт и культура: Концептосфера М. Цветаевой*, Москва 2004, с. 31.

¹² Л.В. Зубова, *Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект*, Ленинград 1989, с. 71.

лирики «на высшем уровне текста и на низшем»¹³. Поэтесса включает в текст своих стихотворений коды, отсылающие к прочтению, затрагивающему духовно-экзистенциальную сферу и к эротическому подтексту.

С точки зрения А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтаня ревность «находится на пересечении двух конфигураций: *привязанности и соперничества*»¹⁴. В поэтическом мире М. Цветаевой сопряжение привязанности и соперничества как важнейших доминант ревности проявляется в утверждении интенсивности переживания лирического «я». В записных книжках М. Цветаева замечает: «Любовь без ревности есть любовь вне пола. [...] В ревности ведь элемент – признания соперника, хотя бы – права его на существование. [...] В ревности есть элемент равенства: ревность есть равенство. Нельзя ревновать к заведомо-низшему, соревноваться с заведомо-слабейшим тебя, здесь уже ревность заменяется презрением»¹⁵. С точки зрения поэтессы, именно в том случае, когда соперник заведомо ниже, прежде всего в духовном плане, ревность предстает «в ее безысходности, ревность к стихии – и потому – стихийная. И чем *нулевее* соперник – тем *полнее* ревность...»¹⁶. В осмыслении поэтессы соперничество наделяет ревность в полной мере безысходностью страдания, но фигура соперника воспринимается ее, все же, как случайность. Кроме того, «привязанность может остаться неизменной независимо от эволюции отношений между субъектом и объектом: так, субъект может мечтать о соединении с объектом даже в случае смерти или исчезновения последнего»¹⁷. При различных условиях коммуникации неизбежность ревности неизменно обгрызается М. Цветаевой как стремление к духовной победе.

В цветаевском мире концепт «ревность» определяет своеобразие коммуникации, эмоциональным центром которой всегда выступает покинувший возлюбленный. Такая коммуникативная стратегия акцентирует неистовство чувства, оказывающееся сильнее возникшей отдаленности адресата и затмевающее зыбкий образ соперницы.

Экстатичность присущая психосфере, моделируемой в поэтическом мире М. Цветаевой, способствует тому, что включение любого переживания в ее орбиту трансформирует изображаемое чувство до его апогея, неизменно наделяя неистовостью. Поэтому, ревность, будучи чувством амбивалентным по своей природе, обеспечивает напряженность «лирического тока». По мнению А. Бахраха, «даже в таких патетических и, казалось бы, кровью сердца написанных стихах, как *Попытка ревности*, не какое-то конкретное чувство вдохновляло ее на эти вызывающие строки, а, напротив, ее ревность (если таковая имела место) питалась и росла от поэтической удачи»¹⁸.

¹³ С. Ельницкая, *Две «Бессонницы» Марины Цветаевой*, [в:] *Marina Tsvetaeva: One Hundred Years*. Материалы симпозиума. 1994, Oakland, California, с. 100.

¹⁴ А.Ж. Греймас, Ж. Фонтаня, *Семиотика страстей...*, Москва 2007, с. 199.

¹⁵ М.И. Цветаева, *Письма*, [в:] *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6, кн. 2, сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина, Москва, 1998, с. 86.

¹⁶ М.И. Цветаева, *Письма*, [в:] *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6, кн. 2, с. 86.

¹⁷ А.Ж. Греймас, Ж. Фонтаня, *Семиотика страстей...*, Москва 2007, с. 211.

¹⁸ А. Бахрах, *Звуковой ливень*, [в:] *Марина Цветаева в критике современников*: в 2 ч., Москва 2003. Ч. 2 : 1942–1987 годы. *Обреченность на время*, с. 14.

Свидетельство А. Бахраха показательно, прежде всего, в том смысле, что имплицитно фиксирует ряд особенностей цветаевского концепта «ревность». Вне предельной интенсивности лирика утрачивает в глазах М. Цветаевой свою силу и подлинность. Именно ревность, согласно логике поэтессы, способна придать полнокровность любому переживанию. Для обеспечения необходимого накала, ревность, в том или ином ее проявлении, должна присутствовать в психо-эмоциональной сфере. В цветаевском поэтическом мире включение концепта «ревность» в различный тематический спектр способствует его расширению, переосмыслению и авторской мифологизации.

Тема ревности в ментальном универсуме М. Цветаевой тесно связана с мотивом колдовства. Ревнующая зачастую оказывается чернокнижницей-ворожеей – достаточно вспомнить стихотворение 1918 года *Развела тебе в стакане....* Коммуникативная направленность вышеназванного стихотворения определяется следующей сюжетной позицией: «лирическая повествовательница использует колдовские чары, чтобы разлучить (более молодого, чем она) адресата с его (юной) женой за то, что тот, возможно, покинул повествовательницу»¹⁹.

В 1920-е годы новое истолкование темы ознаменовало создание лирического послания *Попытка ревности*:

Попытка ревности
 Как живётся вам с другою, –
 Проще ведь? – Удар весла! –
 Линией береговую
 Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
 (Пó небу – не по водам!)
 Души, души! быть вам сёстрами,
 Не любовницами – вам!

Как живётся вам с простою
 Женщиною? Без божеств?
 Государыню с престола
 Свергши (с одного сошед),

Как живётся вам – хлопочется –
 Ёжится? Встаётся – как?
 С пошлиной бессмертной пошлости
 Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев –
 Хватит! Дом себе найму».
 Как живётся вам с люблюю –
 Избранному моему!

¹⁹ М. Мейкин, *Марина Цветаева: поэтика усвоения*, Москва 1997, с. 43.

Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живётся вам с подобием –
Вам, поправшему Синай!

Как живётся вам с чужою,
Здешнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлёстывает лба?

Как живётся вам – здоровится –
Можетса? Поётся – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живётся вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живётся вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и начисто разбит!)
Как живётся вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живётся вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живётся, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?²⁰

19 ноября 1924

Текст *Попытки ревности* исполненный метафоричности, представляет в каждой строфе своего рода загадку, ключом к которой может стать скрытый авторский код М. Цветаевой. Такое моделирование поэтического универсума стихотворения способствует как интимизации текста, так и активизации его магического статуса. Ревность, выносимая в название, и обращенность к покинувшему возлюбленному на сей раз приближают статус высказывания к оккультному.

---

²⁰ М. Цветаева, *О любви*, Санкт-Петербург 2004, с. 242–243.

Предельная интенсивность лирического переживания, эксплицируемая в *Попытке ревности* наделяет поэтическое высказывание силой перформатива. Такое предположение подтверждают слова И. Эренбурга об этой особенности цветаевского дарования, отразившейся наиболее полно именно в вышеупомянутом стихотворении. В восприятии И. Эренбурга М. Цветаева «умела ворожить словами, как слагатели древних заговоров»²¹. Действительно, организация дискурса лирического «я» в этом стихотворении на ритмическом, тематическом и архетипическом уровнях строится как стилизация любовного заговора. Как известно, творящий заговор должен ощутить «себя причастным сверхъестественному миру»²² и внушить «это другим, включая неземные силы»²³. Дискурс ревнующей моделирует подобие заклинания. Ревность активизирует колдовские потенции, присущие в цветаевском мифе лирическому «я».

Слово в *Попытке ревности*, приобретая магическую силу, наделяется способностью не только преодолеть расстояние, разделяющее коммуникантов, но и с помощью колдовства трансформировать ситуацию. Страстное неистовство лирического «я» изливается не в проклятиях или жалобах, а в уличении покинувшего возлюбленного в выборе своей судьбы, унижающей его в глазах ревнующей.

Первым адресатом *Попытки ревности* является К. Родзевич, с которым М. Цветаева связывала, в период предшествующий созданию стихотворения, любовные отношения. Ряд биографов считают, что именно к К. Родзевичу М. Цветаева испытывала наиболее сильную страсть, выделяющую его среди иных ее возлюбленных. В письме к К. Родзевичу М. Цветаева писала: «Я в первый раз люблю счастливого, и может быть в первый раз ищущего счастья, а не потери, хочу взять, а не дать, быть, а не пропасть! Я в Вас чувствую силу, этого со мной никогда не было. [...] Вы сделали надо мной чудо, я в первый раз ощутила единство неба и земли»²⁴.

Известна также версия об обращенности лирического послания к М. Слониму. С точки зрения В. Швейцера, «*Попытка ревности* не имеет посвящения [...] навеянные разрывом с Родзевичем и несостоявшимся романом со Слонимом, стихи не относятся персонально ни к тому, ни к другому, а имеют собирательного адресата»²⁵. Для генерирования смыслов, обусловленных включением в текст концепта «ревность» значимо, что факт биографии – отношения с К. Родзевичем – трансформируется в ментальном универсуме поэтессы. Чувство ревности и разочарования, соотносимые с реально существовавшим адресатом, составляют своего рода биографический слой цветаевского концепта (аналогичный историческому слою концепта культуры²⁶).

²¹ И. Эренбург, *Поэзия Марины Цветаевой*, [в:] *Марина Цветаева в критике современников*: в 2 ч., Москва 2003. Ч. 2 : 1942–1987 годы. *Обреченность на время*, с. 99.

²² Н.Б. Мечковская, *Семиотика. Язык. Природа. Культура*, Москва 2007, с. 370.

²³ Там же, с. 370.

²⁴ М.И. Цветаева, *Письма*, [в:] *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6, кн. 2, с. 331.

²⁵ В. Швейцер, *Быт и Бытие Марины Цветаевой*, Москва 1992, с. 321–322.

²⁶ См.: Ю.С. Степанов, *Концепт*, [в:] *Константы: словарь русской культуры*, Москва 2004.

Разрыв с К. Родзевичем, положивший конец возможности счастливой любви и зародившееся чувство ревности, обусловившие биографический подтекст стихотворения-послания, осмысляются поэтессой как знаковая ситуация.

Любовный опыт, по признанию М. Цветаевой, приобретает особое значение и становится более полнокровным именно в страдании, реализуясь как невозможность встречи или разлука, зачастую по тем или иным причинам непреодолимая. В этой связи приходит на ум высказывание поэтессы: «Все мое желание любви – желание смерти»²⁷. Закономерность подобной психо-эмоциональной установки также подчеркивает утверждение М. Цветаевой о том, что «между полнотой страдания и пустотой счастья» ее выбор «был сделан отродясь – и дородясь!»²⁸. Такое восприятие было характерно и для романтической парадигмы. Достаточно вспомнить мысль Ю.М. Лотмана о том, что «романтическая схема любви – схема невозможности контакта [...]. То, что любовь выступает всегда как разрыв, характерно для русской романтической традиции от Лермонтова до Цветаевой»²⁹.

М. Цветаева воспевая разрыв, который становится эпицентром коммуникации в ее любовной лирике, создает понятие «разминовение» и развивает своего рода философскую базу, должную высветить его архетипическую основу. Знаком «разминовения» для М. Цветаевой выступают некие «разрозненные пары». Одной из наиболее значимых трагически «разрозненных пар» осознаются Орфей и Эвридика. Это позволяет М. Цветаевой в своей автофологии осмыслять разлуку и «разминовение» не только как закономерность своей реальной судьбы (что могло быть обусловлено особенностями психофизиологии поэтессы), но, прежде всего, как повторение мифологической ситуации Орфея и Эвридики. Осмысление любовного опыта в контексте орфического мифа в авторском мире М. Цветаевой очищает любое чувство от сиюминутности земного воплощения, высвечивая приближение участников коммуникации к границе инобытия.

Итак, разлука в цветаевском универсуме становится своего рода проверкой на истинность чувства и его соответствия трагичности архетипического инварианта. Но ревность особая разновидность разлуки и требует иных архетипических соответствий. Модифицировать личный опыт, расширив его до мифологического и в соответствии с этим поликультурного, позволяет введение смыслового комплекса связанного с образом Лилит.

Образ Лилит олицетворяет идею женской избранности – равности Адаму, и колдовских потенций. Способность к колдовству в авторском мифе М. Цветаевой метафорически означает перформативную силу поэтического дара. Призрачность Лилит и принадлежность иному миру как «моря паров»³⁰

²⁷ М.И. Цветаева, *Письма*, [в:] *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 6, кн. 2, с. 169.

²⁸ М.И. Цветаева, *Автобиографическая проза; Статьи; Эссе*, [в:] *Собрание сочинений*: в 7 т., т. 5, кн. 1, сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина, Москва, 1998, с. 72.

²⁹ Ю.М. Лотман, *Анализ поэтического текста*, [в:] *О поэтах и поэзии*, Санкт-Петербург 2001, с. 164.

³⁰ В.К. Куклев, *Лилит*, [в:] *Энциклопедия символов, знаков, эмблем*, авт.-сост. В. Андреева и др., Москва 2001, с. 283.

на смысловом уровне соотносит ее с семантикой имени Марина и образом Психеи – души-дыхания. Лилит выступает своего рода демоническим эквивалентом Психеи и новой вариацией поэта-чернокнижницы. Лилит отмечена предрешенностью разлуки, одиночества и даже отвергнутости и оказывается символическим воплощением ревности – образно реализуя данный концепт.

Развязка *Попытки ревности* преломляет ситуацию. Упреки сменяются признанием ощущения внутреннего единства ревнующей и ее возлюбленного. Такая коммуникативная направленность становится знаком преодоления возникшей разделенности их судеб. Зарождается возможность духовной победы ревнующей и примирения с ее избранником. Интенсивность чувства и магическая направленность послания, оказываются способны превозмочь неизбежность разлуки.

Подводя итоги, следует отметить, что самобытность цветаевской концептуализации ревности как страсти определяется мировоззренческим пластом, включающимся в семантическое поле концепта. Концепт «ревность» один из ключевых в поэтическом универсуме М. Цветаевой. Выявление ментальных показателей позволяет осмыслить мифологическую, психологическую, символическую составляющие концепта «ревность» в их взаимодополнении и генерировании новых смыслов.

Литература

- Бахрах А., *Звуковой ливень*, [в:] *Марина Цветаева в критике современников*: в 2 ч., Москва 2003. Ч. 2 : 1942–1987 годы. *Обреченность на время*, с. 11–16.
- Вежбицкая А., *Понимание культур через посредство ключевых слов*, пер. с англ. А.Д. Шмелева, Москва 2001.
- Греймас А.Ж., Фонтаный Ж., *Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души*, пер. с фр. И.Г. Меркуловой, Москва 2007.
- Ельницкая С., *Две «Бессонницы» Марины Цветаевой*, [в:] *Marina Tsvetaeva: One Hundred Years*. Материалы симпозиума, Oakland, California 1994, с. 91–110.
- Зубова Л.В., *Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект*, Ленинград 1989.
- Кубрякова Е.С., *Концепт*, [в:] *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва 1996, с. 90–93.
- Куклев В.К., *Лилит*, [в:] *Энциклопедия символов, знаков, эмблем* / авт.-сост. В. Андреева и др. Москва 2001, с. 283–285.
- Лихачев Д.С., *Концептосфера русского языка*, [в:] *Известия ОРЯ*: Серия литературы и языка, т. 52. № 1, Москва 1993, с. 147–165.
- Лотман Ю.М., *Анализ поэтического текста*, [в:] *О поэтах и поэзии*, Санкт-Петербург 2001, с. 18–252.
- Маслова В.А., *Поэт и культура: Концептосфера М. Цветаевой*, Москва 2004.
- Мейкин М. *Марина Цветаева: поэтика усвоения*, Москва 1997.
- Мечковская Н.Б., *Семиотика Язык. Природа. Культура*, Москва 2007.
- Степанов Ю.С., *Концепт*, [в:] *Константы: словарь русской культуры*, Москва 2004, с. 42–83.
- Цветаева М., *Собрание сочинений* : в 7 т., Москва, 1998.
- Швейцер В., *Быт и Бытие Марины Цветаевой*, Москва 1992.

Эренбург И. *Поэзия Марины Цветаевой*, [в:] *Марина Цветаева в критике современников*: в 2 ч. Москва 2003. Ч. 2 : 1942–1987 годы. *Обреченность на время*, с. 98–108.

К вопросу о концептуализации страстей в лирике М. Цветаевой 1920-х годов

Резюме

В статье рассматривается концептуализация страстей и анализируется влияние на специфику концепта «ревность» мировоззренческих доминант, культурного и личного опыта М. Цветаевой. Исследуется самобытность образов и символики, входящих в семантическое поле концепта. Для решения поставленной задачи осмысливается ряд высказываний поэтессы, затрагивающих тему ревности и стихотворение *Попытка ревности*.

Ключевые слова: концепт «ревность», страсть, ментальный универсум, мировоззренческие доминанты, коммуникация, символ

About the Conceptualization of Passions in the lyric poetry of M. Tsvetaeva 1920th

Abstract

In the article is investigated **conceptualization** of passions and analysed the specific of concept «jealousy» in a context of worldview dominants, cultural and personality experience of M. Tsvetaeva. Also is investigated originality of are images and the symbolics, included in the semantic class of concept. For the decision of declared problem is investigated the row of poems and expression of poetess, affecting the theme of jealousy and poem *An Attempt at Jealousy*.

Key words: concept «jealousy», passion, mental world, worldview dominants, communication, symbol

Фокина Светлана Александровна
кандидат филологических наук
доцент кафедры мировой литературы
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
e-mail: svetlana_fokina@ukr.net
+38 097 4054990